

БУКИНИСТ

(цикл рассказов «Города»)

– Что тебе подарить на Рождество, дорогая? – спросил за завтраком Игорь.

– Музу! – мрачно усмехнулась Катя и, захватив чашку, ушла в свою комнату.

Муж пожал плечами, допил кофе и вышел из дому, тихо приотворив за собой дверь. С таким же успехом она могла бы попросить у него перо синей птицы или хрустальный колокольчик эльфа. Но муза предпочтительнее. Катин роман увяз в диалогах, сюжет окончательно запутался, герои замерли в немых позах, ожидая своей участи. Каждый раз возвращаясь домой, Игорь застаивал одну и ту же картину: горестную спину жены перед чистым листом монитора. Вокруг громоздились испитые кофейные чашки. Он подходил к ней, клал руки на плечи и шептал в затылок: «Ну как?», хотя все было и так понятно без слов. Катя тяжело вздыхала, скидывала руки и уходила на кухню. Творческий тупик грозил перерасти в семейную драму.

Вечером прямо с порога Игорь вручил жене плотный конверт с самолетиком: «На вот. Слтай, развейся. Заодно и музу свою поищешь!» – и уткнулся в смартфон.

Спустя сутки Катя брела по заснеженным улицам любимого города, вдыхая запах влажной балтийской зимы. Она была в Таллинне десять лет назад, а казалось, только вчера! Все вокруг было знакомым, почти родным. Улица Виру в стальных, испещренных снегом сумерках вела в лабиринты старого города. Сто-

рожевые башни с подслеповатыми бойницами дремали, придавленные грузом веков, как и тогда, словно ничего не изменилось, и не было долгой жизни в промежутке между первой встречей и нынешним свиданием.

Метель не утихала. А Катя все кружила и кружила по тесным улочкам, угадывая повороты, радуясь знакомым фонарям. Шпиль Ратуши пронзал озябшее небо то слева, то справа. Ветер швырял в лицо горсти сухого как песок снега. Неистово вращались и скрипели флюгера. Людей на улицах почти не осталось — редкие прохожие, подняв воротники, спешили домой, к потрескивающим поленьями каминам, мерцающим елкам. «Пора и мне отдохнуть» — Катя улыбнулась, предвкушая теплый ночлег и горячий бульон в доме Марты Арнольдовны на улице Пик. Затянув потуже шарф, оглянулась по сторонам — справа маячила едва различимая от вьюги башня, самый надежный в городе ориентир — и бодро заскрипела по безымянному переулку...

Но чем дальше она шла, тем дальше удалялась от цели. Снежный песок превратился в мокрые ватные клочья, но даже они не могли рассеять сгустившейся тьмы. Тесные улицы переплетались и убегали в подворотни, переулки утыкались в глухие дворы. Ветер выл и раскачивал тусклые фонари. Катя так замерзла, что уже была готова зайти в первую попавшуюся дверь. Как можно было так глупо заблудиться в исхоженном вдоль и поперек городе?

Свернув за угол, она очутилась на знакомой улице мастерового квартала и с облегчением перевела дух. Скрученные кренделя, увитые змеями чаши, пивные бочонки и голенастые сапоги обозначали цеховую принадлежность находящихся внизу лавок. В этот час все они были закрыты. Лишь одно единственное окошко светилось в конце улицы — к нему и направилась продрогшая Катя. Вскоре над ее головой повисла раскрытая кованая книга с кружевной надписью: «Прюги и сыновья». Тяжелая дубовая дверь по колено в снегу поддалась не сразу.

Звякнул колокольчик. Навстречу вышел старик с пушистой

белой бородой и цепким взглядом спрятанных за стекляшками очков глаз. Казалось, его ничуть не удивило появление ночной гостьи. Шея букиниста была обмотана толстым красным шарфом ручной вязки, которые обычно и вяжутся в такие как сегодня ненастные зимние вечера. В руках он держал заложенную пальцем книгу.

— Прошу вас, — старик нарисовал галантный полукруг свободной рукой.

— Извините, что так поздно, — прошелестела замерзшими губами женщина. — Вы, наверное, уже давно закрылись. Я только погреюсь немного, если позволите, и уйду.

— Ну что вы! Не стоит извиняться. Если дверь не заперта, значит, лавка работает, — пропел хозяин, растягивая гласные, — будем знакомы: пан Прюги. Вильгельм Прюги.

— Катя, — ответила гостья, пожимая сухую как пергамент ладонь старика.

— Проходите, не стесняйтесь, — букинист кивнул на растрепанное плетеное кресло, — а я пока кофейник поставлю, — и скрылся в глубине лавки.

Катя уселась в теплое гнездо, увитое клетчатым пледом, и осмотрелась. В полутемной комнате, освещенной лишь масляной лампой, все было заставлено книгами. Пахло пылью, лежащей бумагой и сладковатым запахом переплетной кожи. Книг было несметное количество. Полки уходили вглубь, в бесконечную перспективу, а сверху упирались в низкие своды горбатого беленого потолка. На рабочей конторке в углу громоздились распухшие папки, бурые конверты с сургучными печатями, стопки вымаранных листов. Позеленевшая от времени бронзовая чернильница с торчащей из горлышка перьевой ручкой дополняла музейную композицию. Женщина пошарила глазами по стенам в поисках выключателя, но не нашла ни его, ни розеток, ни проводов. Только масляная лампа с дрожащим фитилем. Ее неровный свет отражался в колбах песочных часов, в потемневшей линзе, застывшей среди бумаг.

Вскоре букинист вернулся с дымящимся медным кофейником в руках. Аккуратно расставил на полотняной салфетке чашки, ложки, серебряную сахарницу, вазочку с горкой печенья и придвинул к столику второе кресло.

— Будем греться, — радостно объявил старик, потирая руки, и налил до краев две глиняные чашки, одну из которых протянул гостю.

Кофе был обжигающе прекрасным, а мелкие, с монетку имбирные печенья таяли во рту. Катя окончательно согрелась и успокоилась. Стало вдруг так хорошо, так уютно и легко, будто именно сюда, на эту завьюженную улицу, в эту затерянную во времени книжную лавку она и приехала издалека. А старый букинист давно поджидал ее тут, чтобы напоить спасительным кофе.

— Пан Прюги, вы всегда работаете так допоздна или мне сегодня повезло?

— Видите ли, моя старость — вот причина вашего везения, — грустно улыбнулся букинист, раскрошив пальцем имбирную крошку. — Я очень мало сплю. Да и времени жаль, его и так осталось не так уж много, — старик покачал головой. — А когда я не сплю, то вожусь с книгами — читаю, реставрирую их, езжу за ними по всему свету... Мне с ними всегда интересно, — он отхлебнул глоток кофе и посмотрел на Катю, — а вот вы? скажите, что вы искали этой ночью, в метель на улицах незнакомого города? Вы ведь приезжая, верно?

— Да, я здесь в гостях, — призналась она. — Но Таллинн мне знаком, я уже была здесь раньше, правда, очень давно. А теперь, наверное, просто захотелось вернуться в прошлое.

— В прошлое... — отозвался эхом пан Прюги. — А мое прошлое все вот здесь, — он обвел рукой заставленное книгами пространство. — Эту лавку основал мой прадед Томас Прюги. Он был ученым и путешественником, знал латынь, арабский, древнегреческий. Некоторые собранные им книги до сих пор хранятся на этих полках. Дело продолжил его сын, затем внук. Так и повелось. Каждый преемник берег и пополнял фамильную кол-

лекцию. Лавка передавалась из поколения в поколение, пока очередь не дошла до меня.

Букинист замолчал, устремив невидящий взгляд в пустую чашку, будто пытаясь на дне ее отыскать продолжение ускользнувшей мысли.

— Скажите, пан Прюги, а у вас есть дети? — осторожно спросила Катя.

Старик стряхнул оцепенение и слабо улыбнулся.

— У меня двое замечательных сыновей. Старший, Арнольд — астроном, ученый мировой величины, работает сейчас в Штутгарте. Младший, Вальдемар — моряк, навигатор, прокладывает пути для торговых судов... — улыбка букиниста дрогнула и медленно погасла, — жаль только, что лавку передать некому. Покойная жена всегда хотела третьего сына, но Бог не дал...

— Не печальтесь, быть может, кто-то из ваших сыновей еще займется семейным делом, — попыталась приободрить старика гостя.

— Мне бы очень хотелось этого, но, увы... — печально проговорил букинист. — Сыновья не разделяют моей страсти к книгам, считают это старческой причудой. Они называют их бумажным хламом. Говорят, что скоро мир переменится, и не останется ничего, что можно будет листать. Книги будут читать на хитрых устройствах, наподобие зеркал.

— Вы имеете в виду планшеты, смартфоны? — подсказала Катя.

Старик поморщился и махнул рукой.

— Лавка не приносит прибыли, я едва свожу концы с концами, — продолжал пан Прюги. — Сыновья не раз предлагали мне продать ее или на худой конец сдать. Они, в сущности, славные ребята, не забывают про старика, пишут, присылают деньги... И уговаривают меня образумиться. Но как я могу бросить все, что создано моими предками? Как могу так поступить с книгами? Они ведь живые! — букинист сокрушенно покачал головой.

Кате стало жаль старомодного старика, словно сошедшего со страниц одного из пылящихся на полках фолиантов. То, что

он делал, чем жил, для многих действительно покажется пустой суетой, глупой попыткой остановить время. Но, Боже, как она его понимала!

За окном выла метель. Темное решетчатое окно сплошь залепило мокрыми хлопьями. Сна не было, как и былой усталости, и Катя решила про себя сидеть здесь до тех пор, пока не надоест хозяину лавки.

Пан Прюги подлил в лампу масло и забрал со стола опустевший кофейник.

— Пойду, сварю еще кофе. А вы можете пока осмотреться, полистать книги — здесь много любопытного, — его шаркающие шаги затихли среди книжных башен.

Катя встала с кресла. Комната больше не казалась ей мрачной. Блики от лампы, оживленной свежей порцией масла, весело заплясали на книжных корешках. Она двинулась вдоль полки, касаясь пальцами тусклых надписей на обложках. Тонкая пыль оседала на руках разноцветной пудрой. Стеллажи были бесконечными — эта лавка не так уж мала, как казалось снаружи! По углам мерцали такие же масляные лампы, что и у стола. Свернув за угол, Катя увидела узкую деревянную лестницу, ведущую вверх. Она была так тесна, что больше походила на приставленную к полке стремянку. Женщина храбро вскарабкалась по ступеням и обнаружила новые ряды стеллажей, только потолки стали еще выше, а проходы уже. О, да тут есть второй этаж! Глаза разбегались. На полках теснились древние фолианты, увесистые тома и обтянутые кожей манускрипты с арабской вязью, собрания сочинений великих классиков и перевязанные бечевой бумажные кипы безымянных рукописей. Здесь были книги ветхие и относительно крепкие, необъятные и карманные, украшенные драгоценными камнями и переплетенные в простой картон, с разноязыкими надписями на корешках и вовсе без них... Настоящее книжное королевство!

Между тем лестница уперлась в стену. Катя провела рукой по шершавой поверхности, но ничего кроме пыли и истлевшей

паутины не нащупала. В мягком полумраке проступила новая лестница, потом другая, третья... Где они пересекались, как сообщались между собой? — непонятно. От увиденного закружилась голова, и Катя испугалась, что может заблудиться здесь точно так же, как в уличных лабиринтах старого города. Осторожно спустилась по скрипучим ступеням обратно к столу.

Там ее уже поджидал пан Прюги. Кофейник весело пыхтел паром, дразнил ароматом кофе и корицы. Старик был оживлен, от прежней грусти не осталось и следа.

— Знаете ли вы, Катя, — начал он, разливая кофе по чашкам, — у каждой книги есть душа. Ее бумажная оболочка так же, как и человеческое тело переживает рождение, взросление, старение и смерть. Рано или поздно книга рассыпается в пыль, пожирается гнилью, а иногда заканчивает жизнь преждевременно в огне, воде или под лезвием ножа. Книжная душа может переселиться под другую обложку, а может навеки затеряться в безграничных просторах книжной Вселенной.

— Но ведь есть еще электронные книги — они-то бессмертны, разве нет? — возразила гостя.

Букинист брякнул кофейником о стол и метнул в нее полный негодования взгляд.

— Вы, верно, говорите о тех дьявольских устройствах, о которых толкуют мои сыновья? — воскликнул старик — так вот, знаете, они не бессмертны, они не рождены вовсе. Их нет! В мире, куда людские души приходят, облаченные в плоть, и книги должны жить так же, подчиняясь общим законам мироздания. Все остальное от лукавого.

От неожиданности Катя вздрогнула и уронила несколько капель на скатерть. Взгляд лавочника смягчился.

— Нравится ли вам кофе? — спросил он неожиданно.

— Да, очень! — пролепетала гостя.

— А какой он?

— Кто?

— Кофе!

— Кофе?

– Да, кофе! Опишите, какой он? – пан Прюги склонил голову набок.

– Ну... во-первых, он горячий – улыбнулась Катя, оттягивая ворот свитера. – Во-вторых, невероятно вкусный, густой, с пенкой – как я люблю!

– Дальше! – потребовал букинист.

– Пахнет корицей и... – женщина глубоко вдохнула из чашки – кардамоном?

Старик утвердительно кивнул.

– Что еще? Он черный, без сливок. В кружке выглядит точно как расплавленный сургуч!

Сравнение пришлось по душе лавочнику, он даже крикнул от удовольствия.

– Еще мне нравится, как хрустит и тает во рту печенье, размягченное маленьким глотком напитка. Как булькает кофейник, подливающий в чашку новую порцию, как тренькает ложка о блюдце, как колышется темное пятно на дне. Даже капли на скатерти мне тоже нравятся, хотя вам, наверное, не очень.

Пан Прюги небрежно махнул рукой.

– Да, и главное – кофе такой крепкий, что мне до сих пор не хочется спать, – завершила рассказ Катя, поставив пустую чашку на стол, – поэтому если вы устали, не стесняйтесь выпроводить меня вон!

– Вот видите, как много всего можно рассказать о кофе! – заметил букинист, – при условии, конечно, что это живой кофе, – он сделал ударение на слове «живой». – У моего друга, аптекаря Тыниса, есть заморская таблетка. Если ее принять – не уснешь три ночи кряду. Чем не кофе?! И посуду мыть не надо! И не сбежит, если проморгаешь! Променяете вы его, – старик потряс медным кофейником, – на чудо-таблетку?

– Нет, ни за что! – горячо возразила Катя.

– То-то же! Так и с книгой. Живая книга и звучит, и пахнет, и дышит... Ее можно потрогать, понюхать, услышать. Рассмотреть под лупой каждую букву и морщинку на корешке. Ее смакуешь, как превосходный кофе, и никому в голову не придет заменить

ее суррогатом, — лавочник ласково погладил ладонью потрепанный том на коленях.

Книги на полках дружно зашелестели, заскрипели корешками, зашуршали страницами, соглашаясь со словами букиниста. В носу у Кати защипало то ли от вековой пыли, то ли от распирающей нежности к упрямому старику, то ли от жалости к себе, заплутавшей в лабиринтах старого города и собственной судьбы... Ей вдруг захотелось довериться букинисту, как в детстве доверяешь сокровенные тайны бородатому волшебнику из сладкого утреннего сна. Немедленно рассказать ему обо всем: и об ускользнувшей музе, и о застрявшем на полпути романе, и о муже, выставившем ее за дверь...

— Хотите знать правду? — глаза гостьи горели решимостью.

— Да я ее знаю, — буднично ответил старик. — Вы писательница, приехали в Таллинн за вдохновением. Что ж, путешествие, а тем более возвращение в любимый город — лучший способ его обрести, все верно. Ваш муж догадался об этом раньше и отправил вас в путь. И вот вы здесь.

— Откуда вам это известно?! — оторопела Катя.

— Из книг, — невозмутимо ответил букинист. — В них все записано. Каждая мысль, каждое чувство, каждое движение души... Надо только найти нужную книгу, — он пристально посмотрел на гостью поверх очков.

— И что же мне теперь делать?

— Возвращаться домой! — усмехнулся в бороду старик. — Считайте, вы нашли то, что искали.

Пан Прюги вытащил из конторки лист вощенной бумаги и стал заворачивать в него чашку, прямо с застывшей на дне кофейной гущей. Потом вытащил из бронзовой чернильницы старомодное перо, отер его о клочок бумаги и сунул туда же в сверток.

— Чернила купите сами, подойдут любые.

— Зачем?

— Зачем? Чтобы писать первый абзац, — терпеливо разъяснил старый букинист, — напишите несколько предложений, а дальше можете продолжать как вам удобней и привычней.

Услышав в глубине лавки глухой бой настенных часов, старик засуетился и поспешно скрепил пакет шоколадным сургучом. Поставил фамильный оттиск с развернутой книгой и сунул подарок Кате в руки.

— Кофе теперь будете пить из этой чашки. Мыть можно. Только ничего другого сюда не наливайте... А теперь, простите, я очень устал, — и тяжело опустился в кресло.

Только сейчас Катя заметила, что тьма за окном рассеялась, небо налилось предутренним зеленоватым светом. На лице букиниста залегли глубокие тени — стало видно, как он стар, и как устал. Гостья сбивчиво попрощалась, отодвинула наметенный снаружи сугроб и вышла на улицу.

...Метель давно стихла, и оглушительная тишина накрыла спящий город толстым ватным одеялом. Очень скоро Катя добралась до улицы Пик, легко отыскала дом, проскрипела по лестнице на чердак и вставила бородатый ключ в замочную скважину. Дом спал. Лишь пепельная кошка, громко зевнув, шмыгнула в кухонную дверь. Ну и ночь! Такая короткая и такая длинная... Положив пакет с подарком на подоконник, женщина рухнула в кровать и мгновенно уснула.

Ей снился сон, в котором она блуждала в сумрачном книжном лабиринте. Узкие лестницы, уходили то вверх, то вниз, упирались в глухие стены, обрывались и взмывали отвесно к потолку. Иногда Катя ходила, словно муха, головой вниз, но это ее ничуть не смущало. Керосиновые лампы водили вокруг нее хоро-воды. Книги трепетали страницами и тоненько поскрипывали: «Я живая! И я! И я тоже!». Пузатый кофейник кружился и ускользал из рук, дразня соблазнительным ароматом. Аромат щекотал ноздри, становился все ярче, пока окончательно не разбудил ее. Из кухни доносился запах свежесваренного кофе.

Увидев гостью целой и невредимой, Марта Арнольдовна всплеснула руками и запричитала, мешая русские и эстонские слова.

— Ну, наконец-то! Как ты? Где ночевала? Все ли в порядке?

Вчера была такая злющая метель! Я волновалась.

– Извините меня, Марта Арнольдовна. Задержалась у знакомого. Было уже поздно, я не стала будить вас звонком. Так и проговорили всю ночь.

– Знакомого? Хм! У тебя разве есть знакомые в Таллинне кроме меня?

– Теперь есть. Вчера познакомились. Ночью. Возможно, вы его знаете, он примерно вашего возраста. Пан Вильгельм Прюги – букинист, владелец лавки в мастеровом квартале.

Старушка застыла с джезвой в руках.

– Ты ничего не путаешь, детка? – она смотрела на гостью с тревогой. – Лавка Прюги существовала когда-то, это правда. Но закрылась с полвека тому назад.

– Не может быть, – прошептала Катя.

– Жена пана Прюги умерла, когда я была еще студенткой. Сыновья давно разъехались кто куда. Самого же Вильгельма не стало... дай-ка вспомнить...

– Постойте! Как же так? Я всю ночь просидела в его лавке, проговорили с ним до утра. Там еще вывеска такая старинная: «Прюги и сыновья».

– Ну да, правильно, есть такая вывеска. Только самой лавки давно уж нет.

– Но я видела Вильгельма так же, как сейчас вижу вас!

Старуха озадаченно покачала головой.

– Не верите? Он лично вручил мне подарок, – Катя помчалась наверх, чтобы показать хозяйке пакет с печатью.

Схватила вощенный сверток и стремительно скатилась по лестнице вниз.

– Вот! – она ткнула пальцем в фамильный оттиск на сургуче.

– Где ты это взяла? В магазине сувениров? На барахолке?

– Да нет же, пан Прюги сам мне подарил! – женщина разломала сургуч и стала лихорадочно разворачивать скользкую обертку.

В мятой бумаге лежала немытая чашка и старое перо.

Марта Арнольдовна осторожно, двумя пальцами взяла чашку

и поставила ее в раковину, потом принялась задумчиво рассматривать перьевую ручку с позеленевшим кончиком.

— Такой ручкой лет сорок назад я заполняла бланки на почте... Сейчас такими уже не пишут, — и посмотрела на Катю с глубоким сочувствием.

Она ей не верила. Под взглядом Марты Арнольдовны женщина и сама усомнилась в реальности сегодняшней ночи. Но чашка и перо, раскрошенный сургуч на вощенной бумаге утверждали эту реальность, пусть такую немислимую. Схватив куртку, Катя выбежала на улицу Пик.

Старый Таллинн готовился к Рождеству. Запруженные людьми улицы сверкали огнями и пахли мандаринами. На Ратушной площади гудел рождественский базар. Кроме оленей, золоченых шишек, ангелов и увитых лентами венков на развалах попадались любопытные вещицы. Был там и пузатый медный кофейник с крышечкой на носу, и масляная лампа, и песочные часы с пылью в потемневших колбах. Старые карты, древние книги, кружевные салфетки, глиняные чашки, вязаные шарфы... Если бы Катя встретила здесь пана Прюги, то несколько бы не удивилась — так органично вписывался старый букинист в очаровательный хлам блошиного рынка. Но старик, наверное, отдыхал после бессонной ночи. Она не станет его будить — только посмотрит на дверь лавки и удостоверится, что все в порядке.

Вот и мастеровой квартал. Из двери булочной сладко пахнуло ванилью. Пивной бочонок, скрученный крендель, голенище сапога... Еще два шага — и раскрытая кованая книга повисла точно над Катиной головой. «Прюги и сыновья» — прочла она вслух. Однако вместо тяжелой дубовой двери перед ней была ослепительная витрина. Сотни ламп ярко освещали разноцветный пластик и сверкающий металл. Двери бесшумно раздвинулись — Катя очутилось в режущей глаза тесноте. Смартфоны, планшеты и прочие гаджеты демонстрировали идеальные, неподвластные времени формы. Хирургическая чистота — нет ни пыли, ни паутины, никаких темных углов и таинственных лабиринтов. Ниче-

го из того, что видела она ночью! Следовательно, и бесконечные книжные стеллажи, и плетеное кресло, и кофе с имбирным печеньем, которым угощал ее пан Прюги – не более чем плод ее фантазии. Приснилось? Пригрезилось? Метелью надуло?.. А как же тогда чашка и старое перо? Со временем Катя вспомнит, что купила их на блошином рынке. Если не вспомнит – то поверит. Если не поверит – то забудет...

Женщина вышла на улицу, распахнула куртку и подставила лицо падающим с неба снежинкам. Старый Томас на шпиле Ратуши на мгновение замер и помахал ей рукой. «Пора домой!» – решила Катя. И словно вняв ее мыслям, требовательно зазвенел телефон.

- Я соскучился, – голос Игоря был нежен.
- Я тоже.
- Ну что, встретила музу?
- Кажется да.
- Тогда приезжай скорей.

...С тех пор Катя пьет кофе из любимой глиняной кружки. А первый абзац пишет старым пером, макая его в фиолетовые чернила. Игорю она сказала, что с паном Прюги ее познакомила Марта Арнольдовна, в ту самую вьюжную ночь, когда количество выпавшего снега побило все рекорды века. Сама же изредка встречается с букинистом во сне. Старик всегда приходит в гости с пузатым медным кофейником. Вместе они гуляют по книжным лабиринтам и ночным улицам старого Таллинна. Катя так же, как и ее друг, верит, что у книг есть душа. И что настоящая бумажная книга, несмотря на тленную оболочку, бессмертна...

ХОЛСТЫ

(цикл рассказов «Города»)

На третий день, когда косматое солнце медленно катилось за горизонт, Вика снова увидела художника. Парк опустел. Беле-

сые стволы олив, испепеленные временем и зноем, морщились под неподвижными кронами. Прибой лениво лизал разноцветное галечное монпансье. Кругом ни души. Даже привычные звуки — щебет птиц, стрекотание цикад — слышались теперь глухо, словно сквозь вязкую толщу воды. Замедлив шаг, женщина стала разглядывать остывающее море, украдкой наблюдая за стариком.

Тот как всегда сидел на деревянной скамеечке, отполированной творческими ерзаниями его тощего зада. Установив этюдник, придирчиво осматривал кисти и мастихины, перекладывал с места на место сморщенные, как стволы олив, тюбики с краской, баночки и тусклые пузырьки. Долго отколупывал ногтем невидимую крошку с палитры и шарил по бездонным карманам синей фланелевой куртки. Его мятая коричневая шляпа лежала возле ног тульей вверх — верный признак того, что он собирался писать для души, а не ради денег. А значит, не будет лубочных прибоев, темных кипарисов и леденцовых закатов. Зато у кого-то может перемениться судьба. К лучшему или к худшему? Никто не знает...

Чудаковатого старика-живописца Вика впервые встретила неделю назад в тоннеле, отделяющем шумную Будву от сонных Рафаиловичей. Высокий и костлявый, он шел размашистым шагом с ветхим этюдником на плече, надвинув до самых бровей широкополую шляпу. Услышала же о нем двумя днями раньше от школьной подруги Риты — местного экскурсовода для состоятельных туристов. Старик объявился внезапно. Не было, не было — и вдруг — р-р-раз! — и будто жил он здесь всегда. Будто сидел многие десятки, а то и сотни лет на пирсе с удочкой в руках или в баре у скалы, потягивая свой вранац¹ и разглядывая горизонт сквозь оптический прицел художника-снайпера. Будто сам он и написал давным-давно весь этот красочный мир

¹ Вранац — балканский сорт винограда и одноименное красное сухое вино.

вокруг, а теперь, развесив холсты, любовался работой с удовлетворением счастливого творца.

Старый художник с седой косицей взбудоражил размеренное течение курортной жизни. Он стал местной достопримечательностью, но вызывал столько лишних пересудов, что мешал Ритиной работе. Подруга была убеждена: нет ничего хуже непредсказуемости. А все, что касалось художника и его картин, было от начала до конца сплошной непредсказуемостью.

— Держись от него подальше! И не вздумай заказать портрет! — наставляла Рита, торопливо отхлебывая кофе — он может нарисовать все, что угодно — и все сбудется. Однажды он пририсовал одной сербке на портрете черный платок, и у нее умер муж! Внезапно... тромбозомболия... Здоровый, крепкий мужик был!

— Рит, ты что, вправду в это веришь? — переспросила Вика, сиюсья узнать в сидящей перед ней экзальтированной особе рассудительную одноклассницу с твердой пятеркой по научному атеизму.

— Веришь — не веришь... лучше не рисковать, — отрезала та и укатила по делам в Тиват.

Черногория дремала на излете курортного сезона. Лето тихо угасало, обретая акварельную мягкость: прозрачная бирюза залива, густой багрянец дикой лозы, пепельный камень и приглушенная терракота черепичных крыш. За грубой ставней золотились тяжелые грозди винограда. Перезрелые плоды граната лопались прямо на ветках, обнажая бархатное нутро с блестящими винными зернами. Усталое сентябрьское солнце смягчало привычные очертания домов, деревьев и гор...

Жизнь в опустевшем городке текла размеренно и неспешно. Разбирали дощатые настилы, заколачивали бары, паковали и увозили зонтики и шезлонги. Катамараны, перевернутые брюхом вверх, валялись на песке как выброшенные штормом железные рыбыны. Одинокие корабейники бродили среди последних туристов, сбывая за бесценок никому не нужные сланцы и надув-

ные круги.

В такие дни легко отдаться течению времени, не задумываясь о том, что будешь делать через час или через день. Можно отправиться на пустынный пляж и, уютно устроившись в забытом шезлонге, наблюдать за изменчивым настроением моря. Или почитать книжку под убаюкивающий рокот волн, а потом взять и заснуть. И не беспокоиться о том, что книжка захлопнулась без закладки, и завтра снова надо будет искать нужную страницу. Или бродить вдоль безлюдного берега ровно столько, на сколько хватит сил...

В одну из таких бесцельных прогулок Вика стала свидетельницей любопытной истории.

Она спускалась к острову Святого Стефана, когда благодатную тишину утра нарушила грубая мужская брань. Крепкий в плечах лысоватый мушкарец¹ в линиялой майке что-то горячо доказывал группе парней, намереваясь прибегнуть к самому вескому аргументу — паре чугунных кулаков. Был скандалист в подпитии, потен и чем-то страшно раздосадован. Его ругань сопровождалась неверным покачиванием на шатких ногах. Собрались зеваки.

И тут произошло непонятное. В одно мгновение дебошир вдруг резко обмяк. Он посмотрел кротко и изумленно в небо, словно слясь что-то припомнить, потом внимательно оглядел свои руки, поднял оловянный взгляд на парней — будто увидел их впервые. Вдохнул глубоко и обреченно и... зашагал по песку прочь. Его несуразная фигура какое-то время маячила на фоне моря, пока не исчезла вовсе. Парни, пожав плечами, отправились по своим делам. Разбрелись и остальные. Вскоре на месте происшествия не осталось никого, кроме Вики... и художника.

Он сидел чуть поодаль, уткнувшись в свою картину. В разгар спора его никто не заметил, да и старик, кажется, не замечал

¹ Мушкарец (серб.) — мужчина.

никого вокруг. Все, что его интересовало – это сюжет на холсте. Руки художника двигались скупой и точной, пальцы цепко держали дощечку с бурными масляными кляксами и узловатую, как продолжение руки, кисть.

Вика подкралась ближе, заглянула в холст и застыла – по песчаной дороге незамысловатого пейзажа удалялась за поворот знакомая фигура в линялой синей майке. Удалялась она ровно в том направлении, куда минуту назад ушла натура. Вот только кто ушел первым?

Художник резко обернулся – взгляды их пересеклись, в Викиной голове заискрило, словно при коротком замыкании. Глаза старика были разными: один – черный как уголь – смотрел сурово, другой – прозрачный голубой хрусталь – добродушно улыбался. Женщина что-то пробормотала и ринулась прочь без остановок и передышек, под глухие удары колотящего сердца.

Вечером их с Ритой пригласили на рыбный ужин. Любомир, хозяин отеля в уединенной бухте, человек важный и влиятельный, был хорошим Ритиным приятелем и большим любителем поудить. Управляться с отелем ему помогала шустрая сухощавая Ивана, приходящаяся ему то ли двоюродной теткой, то ли троюродной бабкой. Несмотря на почтенный возраст – а было ей далеко за шестьдесят – Ивана ходила в шортах, стриглась «под мальчика» и лихо закуривала тонкую сигарету, для здоровья используя перламутровый мундштук. Она знала много сербских песен, гнала чистейшую как слеза ракию¹, фантастически готовила рыбу на углях и была душой отеля и любой компании. К тому же бабуля, как и многие люди ее поколения, неплохо знала русский. Дождавшись, когда захмелевшая компания разбре-лась по саду, Вика шмыгнула вслед за Ивановой на кухню, но сразу потеряла ее из виду. В полуподвальном помещении было сумрач-

¹ Ракия – традиционный балканский крепкий алкогольный напиток, приготавливаемый из различных фруктов.

но и прохладно.

— Тебе понравилась дорада? — раздался из-за спины голос хозяйки.

Вика вздрогнула от неожиданности. Ивана сидела нога на ногу, взгромоздившись на барный табурет, и метким щелчком ногтя стряхивала пепел в бронзовую львиную пасть.

— Да... спасибо. Очень вкусно... — замялась Вика, не зная как приступить к главному.

Ивана прищурила от дыма глаз и снова глубоко затянулась.

— Ну, спрашивай, давай! Ты ведь хотела что-то спросить? — она затушила сигарету и заботливо завернула мундштук в мягкий замшевый чехол.

— Ивана, ты ведь давно здесь живешь? (о, Боже, более глупого начала не придумать!)

— Да, детка, я живу очень, очень давно! — усмехнулась та.

— Ладно, спрошу прямо, — Вика присела рядом. — Сегодня утром возле Святого Стефана я встретила старика-художника — того самого, про кого ходят байки, будто он рисует будущее. Ну, то есть, он рисует что-то на картине — а потом это происходит в жизни. Так мне сказала Рита. Это правда?

— А сама-то ты что видела? — задала встречный вопрос Ивана.

Пришлось пересказать историю про мужика в линялой майке, как он приставал к людям, а потом внезапно ушел, словно услышал голос сверху — не случайно же он тарачился в небо. И что она видела его нарисованного, бредущего вдаль на картине старика.

Ивана внимательно выслушала сбивчивый рассказ Вики, ни разу не перебив, а только еле заметно кивая стриженной головой в такт ее словам.

— Я расскажу тебе все, что знаю сама, — Ивана соскользнула с табурета вниз, и поспешно добавила — но учти, знаю я не так уж много.

Пока ее порхающие руки наливали из кувшина воду, мололи кофейные зерна, толкли в ступе корицу и мыли крохотные глиня-

ные чашки, она говорила.

— Его зовут Зоран. Где он родился и сколько ему лет — не скажу точно. Болтают, что он цыган, но я в это не верю. Он художник, истинный художник. Чаще всего Зоран пишет природе, ну и... меняет погоду — предсказывает или заказывает — как тебе больше нравится. Если долго стоит жара — рисует дождь, если штормит — рисует солнце... Бывает, к нему приходят люди — просят устроить ясный день или хороший клев, или там остановить затянувшийся снегопад. Но он не делает это на заказ, а только когда хочет сам... Все остальное — выдумки!.. Что еще сказать? Я знала его жену — Стефану. На старости лет они вдвоем мотались по всей Адриатике. Вырастили троих сыновей — и давай путешествовать в фургоне. Даже дом свой, кажется, продали. Им обоим это ужасно нравилось... — Ивана на минуту умолкла, разливая по чашкам кофе. — А когда Зоран похоронил Стефану — четыре года назад это случилось — тогда и вернулся сюда. Где он живет теперь — никто не знает. Никому еще не удавалось выследить его дом, — стоит только пойти за ним следом, как он будто сквозь землю проваливается... Как-то так, — бабуля снова покачала головой и звякнула пустой чашкой по блюдцу.

— А как же сегодняшняя история? На холсте ведь точно был нарисован тот мужик в майке — я сама видела! И потом он ушел туда, куда нарисовал художник!

— Ну, ушел и ушел, — равнодушно пожала плечами Ивана, — откуда тебе знать, может, Зоран потом его нарисовал? — хозяйка убрала недопитую чашку, давая понять, что разговор окончен.

На следующий день Вика решила взять инициативу в свои руки. План был такой: выйти из дому пораньше и ходить вдоль берега до тех пор, пока не встретит художника. Спрятаться в укромном месте и наблюдать за его работой издали. Расположиться так, чтобы проследить весь процесс создания картины от начала до конца. Для этой цели можно приспособить объектив фотоаппарата с восьмикратным увеличением. По-хорошему

нужен бинокль, но где его взять? Зато фотокамера в руках – железное алиби на случай внезапного разоблачения – мол, хожу тут, люблю окрестностями, снимаю для души.

Наутро Вика нацепила черные очки, взяла камеру и отправилась вдоль моря в парк.

Справа от нее темнел силуэт необитаемого острова Николы – обломок скалы, покрытый черным лесом. Ночью дул крепкий ветер. Он мешал спать, завывая дурным голосом сквозь щели неплотно прикрытых ставен. Теперь Вике казалось, что живет он на этом острове, одинокий и неприкаянный. А когда становится совсем тоскливо, начинает буйнить, взлохмачивая волны, высвистывая пронзительные ноты и срывая злость на случайных прохожих, как давешний мушкарец в линиях майке.

Пройдя сквозь безлюдный тоннель, Вика оказалась по ту сторону века – среди заброшенных санаториев и обветшалых турбаз эпохи развитого социализма. У ворот на постаменте скучала коренастая девушка с тугим снопом гипсовых колосьев. Выросший на руинах кемпинг, жил своей маленькой, неприязнительной жизнью. В обшарпанных трейлерах, среди пустых ящиков и строительного мусора обитали люди. Но чем ниже к морю, тем оживленнее была курортная зона, тем наряднее домики, чище дорожки. Даже вывороченный штормом кусок набережной с жилами арматур выглядел оригинальным архитектурным решением. Когда же дело доходило до обеда, два простеньких кафе, испускающие волнительные запахи чорбы¹, не пустовали даже в межсезонье, уравнивая верхних и нижних курортников.

Непогода разогнала с пляжа и без того редких купальщиков. Лишь знакомая Вике пара – мать с сыном – прятались от ветра среди камней. Мальчик был болен – что-то нервное – постоянно

¹ Чорба – традиционное блюдо сербской кухни, густой наваристый суп из мяса или рыбы.

хныкал и плохо спал. Врачи посоветовали слушать шум прибоя. И мать терпеливо носила его, трехлетнего, на руках, прижимая как младенца к груди, нежно нашептывая что-то на ушко. Женщина мужественно претерпевала ежедневную пытку хождения по жестким камням до воды и обратно, чтобы смочить лоб сына. Ночевали они в трейлере наверху, а весь день проводили здесь, на каменистом пляже среди разошедших лежаков, слушая шум прибоя. Сколько раз ни проходила Вика мимо — никогда не видела малыша спокойным или спящим. Но мать все продолжала и продолжала его баюкать. Ее бессменная стоическая вахта длилась сутками напролет. Вот и сейчас, закутав сына в мохнатый плед, она улыбалась чему-то и тихо напевала. А мальчик тоненько подвывал, повернув к ней изможденное бледное личико.

Вика села за столик кафе и заказала мятный чай. Но не успела отпить и глотка, как заметила знакомую узловатую фигуру. Художник шел стремительно, согнувшись под тяжестью своей неизменной ноши — косоногий этюдник и скамейка. Порывы ветра трепали выбившиеся из-под шляпы седые пряди, полы просторной синей куртки взлетали как крылья ночной птицы. Старик торопился к тоннелю, но, увидев мать с сыном, остановился на краю пляжа. Поискав глазами подходящее место, он растопырил гнутые ноги этюдника, вдавил скамейку в гальку и сел. Сложив руки на коленях, неподвижно устался в морскую даль.

Идущая за ним по пятам Вика огляделась в поисках наблюдательного пункта. Ее окружали лишь розовые камни в свистящих потоках ветра. Ни деревца, ни кустика, за которыми можно было бы укрыться. На горизонте тревожно клубились тучи. Она достала фотоаппарат, прищурилась в окошко видеоискателя, навела резкость. Старик был неподвижен, слившись с окружающими его камнями и, похоже, в ближайшее время не собирался ничего делать. Оставалось только ждать...

Прошло полчаса. Потом еще час. Или два... Викины ноги затекли, спина онемела. Ветер трубил на все лады. Давал о себе

знать и голод — аромат чорбы, проникал в самые отдаленные уголки бухты. Время от времени женщина с надеждой прикинула к видоискателю, но ничего не менялось в облике старика, он по-прежнему сидел прямо, вперив взор в тонкую линию горизонта. Ветер крепчал, море волновалось. Мать продолжала баюкать на руках хныкающего сына. Вика — терпеливо сидеть в своем ненадежном укрытии...

Неизвестно, сколько оборотов успела сделать стрелка, прежде чем наблюдательница увидела старика энергично растирающим краски. Холст был загрунтован и молочно поблескивал на солнце. На тряпице у ног художника были разложены разнокалиберные кисти и мастихины.

Размашисто и неукротимо он принялся накладывать краски — слой за слоем, мазок за мазком. Сначала казалось, что беспорядочные цветовые пятна на холсте лишь отражение его мира — сумбурного и хаотичного. Причудливо изогнутые линии, яркие вспышки цвета, нервные штрихи расползались по полотну, складываясь в неясные очертания. На глазах очертания превращались в узнаваемые образы. И вот: розовый берег и женщина на камне с ребенком на руках. Тонкое лицо мальчика под кистью живописца наполнилось румянцем и спокойствием, лобик разгладился, глазки закрылись... Тонкие ручки покорно повисли вдоль тела. Малыш заснул... Старик дописывал картину яростно и вдохновенно. Через его руки истекла неведомая энергия, впитанная от неба, ветра и волн. Она пульсировала в чутких пальцах, звенела на кончике кисти и выливалась на холст легко и радостно.

Вика, замороженная работой художника, не сразу сообразила поглядеть в другую сторону пляжа. Переведя объектив, она обнаружила привычную картину: мать баюкала сына, мальчик горестно всхлипывал. Но постепенно всхлипы малыша становились все тише и реже. Вот он выгнулся, вздрогнул всем телом и обмяк. Женщина замерла. «Умер!» — мелькнуло в Викиной голове. Но нет. Мать нежно поправила прядь на виске сына, прижала его к груди и впервые за много дней облегченно и устало

вздохнула. Ее мальчик спал крепким спокойным сном...

Что же художник? Пока Вика с изумлением созерцала результат его работы, он успел собрать пожитки. Выскочив из укрытия, женщина окликнула старика, но ветер и рокот волн заглушили ее голос. Онемевшие от долгого сидения ноги подкосились, и она упала на камни. Старик легко вскинул на плечо этюдник и, не оборачиваясь, зашагал прочь.

– Ну что, выследила своего предсказателя? – спросила Рита за ужином.

– Знаешь, он и вправду чудотворец, – задумчиво произнесла Вика, – добрый волшебник.

– Ага. И прилетел он, надо думать, в голубом вертолете.

– Я своими глазами видела, – Вика не замечала сарказма подруги. – Помнишь ту женщину с больным ребенком? Сегодня ее сын впервые заснул на пляже, представляешь? После того, как старик нарисовал это.

– Что нарисовал? – не поняла Рита.

– Спящего мальчика. Я следила за ним через объектив.

Рита с усмешкой посмотрела на подругу:

– А ты случайно сама там не заснула, на пляже?

Вика махнула рукой. Что толку было спорить? До отъезда оставалось три дня. И единственное, что ей хотелось – это снова найти старика.

Все последующие дни и вечера целиком были посвящены неустанным но, увы, бесплодным поискам художника. Тщетно бороздила женщина Милочерский парк и прочесывала окрестные пляжи, как часовой вышагивала по знакомой до каждого камня дороге к острову Святого Стефана. Напрасно бродила по Будве и заглядывала в лица художников, рассеянных по ее подворотням и площадям. Старик как в воду канул.

Как-то раз, совсем отчаявшись, Вика возвращалась домой. Было поздно. Славянский пляж светлел вдалеке, смыкаясь с невидимой кромкой воды. Ветер яростно трепал кроны сосен.

У поворота к тоннелю она столкнулась с тем, кого так долго искала. Художник медленно брел ей навстречу, усталый и замерзший, изменив привычке вечно торопиться и убегать. Вике стало все равно — поймет ли ее старик, как отреагирует на чужое любопытство и что скажет в ответ. Она больше не страшилась ни его разноцветных глаз, ни фатального дарования, ни противоречивой молвы, окружающей странного бродягу.

— Здравствуйте, пан Зоран! — произнесла женщина, поравнявшись со стариком.

Тот удивленно вскинул лохматые брови:

— Добро вече!

— Вы меня извините, — зачастила Вика, — не могли бы вы уделить мне несколько минут? Я только хотела спросить...

— Можно, — перебил ее художник, извлекая из памяти запылившийся запас русских слов.

Они присели на скамейку.

— Вас все считают художником-ясновидцем. Вы меняете погоду, предсказываете судьбы, управляете событиями...

— Ну-ну, — прервал старик, — кто-то, может, так и считает — только все это пустое. Просто я много пожил на свете и вижу вещи, которые другим незаметны, — художник откинулся на спинку скамьи. — Годами я наблюдал природу и знаю многие ее хитрости. Говорят, я меняю погоду — но нет, я всего лишь ее угадываю.

— Но я своими глазами видела, как вы утихомирили пьяницу возле Стефана, — Вика густо покраснела.

— А-а-а, Здравко... — старик сокрушенно покачал головой, — да, он часто там буянит. Заблудился совсем парень... но ничего, он не опасен — пошумит-пошумит — да и уходит к себе восвояси.

— Что — каждый раз одной и той же дорогой уходит?

— Да, каждый раз.

— Ладно. А как же тогда ребенок? — Вика была в отчаянии — таинства рассыпались на глазах.

— Какой ребенок? — притворился художник.

— Больной мальчик с турбазы. Ведь это вы его успокоили три

дня назад на пляже?

— Да что ты, что ты! — замахал руками старик, — это мать его успокоила. Она очень старалась. И очень желала этого.

— Пан Зоран, я следила за вами. Я видела, что сначала появилась картина, а уж потом он заснул на самом деле, — в ход был пущен главный аргумент.

Художник на минуту задумался.

— Тут нет никакого волшебства. Если тебе хочется считать это чудом — пожалуйста! Но знай, что чудо та женщина сотворила сама — своей любовью, терпением и верой... Я же всего лишь твердо знал, что так оно и произойдет. Раньше или позже, но обязательно произойдет... Да, я нарисовал спящего мальчика. Но только потому, что это было неизбежно! Просто так совпало.

«Ну что, разобралась? Так тебе и надо!» — ругала себя Вика — «Господи, как можно быть такой наивной? Ведь не девочка уже, а все туда же... Сказку ей подавай... Тайну...»

— А где вы живете? — спросила женщина в слабой надежде хоть здесь услышать заминку, различить тень оберегаемого стариком секрета.

— Недалеко, в Бечичи, — бесхитростно ответил художник, — мой дом — на самом краю улицы, возле часовни. Там еще флюгер корабликом.

Все. Загадок больше не осталось. Лишь детская горечь от прощания с развенчанной сказкой. Что ж, завтра Вика вернется домой, окунется в реальность, возвратится к насущным взрослым делам и забудет о придуманной тайне, о таинственном старике-волшебнике и глупой своей мечте.

Огорчение Вики отчего-то тронуло старого художника. Он предложил написать ее портрет. Усадил женщину спиной к заливу, развернул лицо, положил на колени свою шляпу.

— Это будет недолго, я пишу быстро, — и принялся за работу.

Вскоре Вика приняла из его рук холстину в две ладони шириной. Лицо на портрете было грустным, как и в жизни. Никакого превращения. Провела глазами наискось по влажной еще картине, где помимо нее самой размещались куцые сосны, пепель-

ные камни, затухающая солнечная дорожка и... ну, конечно! – одинокий парусник с алеющими в закатном зареве парусами. Женщина автоматически обернулась в сторону моря – никаких парусов в обозримой акватории залива не наблюдалось. Увы, ждать Грея ей было некогда...

На другой день Вика улетела в Москву.

...Вздрагивая в турбулентных потоках, приземляясь серебряной птицей на мокрую гладь бетона, бессонно качаясь в люльке ночного поезда, она никак не могла выбросить из головы бесславно развенчанную свою тайну. Разноцветные глаза старика-художника стояли перед ее взором, то ли насмехаясь, то ли укоряя. Его наивная картинка с парусами лежала на дне чемодана...

...Пора быть взрослей. Осмотрительней. Трезво глядеть на жизнь. Не тратить душевные силы на поиски чудес в окружающей нас совсем не сказочной реальности. Не отсылать писем с мечтами и неуклюжими просьбами в неизвестные дали. Не ждать ответа. А лучше сосредоточиться на чем-то земном, простом и понятном...

Дома Вику поджидал конверт. Он резал глаз несообразностью между казенно отпечатанным адресом и пестрыми марками с видами морской фауны. Торопливо разорвав бумагу, женщина извлекла хрустящий лист, в котором черным по белому было написано: «Уважаемая Виктория Сергеевна! Комиссией РГО принято решение о включении Вас в состав международной экспедиции на парусном судне „Алые паруса“. Для обсуждения деталей просим явиться по указанному адресу... не позднее такого-то числа такого-то месяца».

...Через полгода, когда их парусник шел по Адриатике, и за бортом проплывали знакомые места – остров Святого Стефана, Милочерский парк, Будва – Вика напряженно, до рези в глазах всматривалась в береговую линию через мощный вахтенный бинокль. Она пыталась разглядеть знакомую костлявую фигуру с этюдником, мятую шляпу тульей вверх... Но так никого и не увидела. Ночная стоянка намечалась в Дубровнике, маршрут

был расписан по минутам, и она не решилась обратиться к капитану по пустячному своему делу. Может зря?..